

doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-21-41

НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ — ИММАНЕНТНОЕ СВОЙСТВО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ И ГЛОБАЛЬНАЯ ЕГО ПРОБЛЕМА

А.А. Тарасов, И.А. Гизатуллин

Башкирский государственный университет
Институт права
450005, Уфа, Россия, ул. Достоевского, 131

Независимость судей — объективно необходимое условие существования судебной власти и правосудия в государстве, оно предполагает свободу каждого судьи в выборе правовой позиции по разрешаемому им делу, как от воли тяжущихся сторон, так и от любого внешнего воздействия. Внешними для судьи являются не только воздействие сторон в рассматриваемом деле или представителей несудебной власти или руководства судов, но и корпоративное влияние со стороны судейского сообщества или ментальная привязанность к корпоративным традициям профессиональных сообществ, к которым ранее принадлежал судья. Подверженность всем этим видам внешнего для судьи влияния представляют равную угрозу для его независимости и для отправления им правосудия. Не меньшую угрозу для правосудия и объективных интересов общества представляет оборотная сторона судейской независимости — судейский произвол.

Оптимальный государственный подход в обеспечении независимости судей предполагает баланс между двумя крайностями — судейской зависимостью от чужого мнения и судейским произволом.

В современном российском законодательстве «независимость судей» определена как принцип всех видов судопроизводства с выделением специальной статьи с таким названием во все процессуальные кодексы. В законах судебной реформы XIX в. словосочетание «независимость судей» вообще не используется, хотя создание действительно независимого суда в условиях абсолютной монархии признается главным достижением этой реформы. Авторы на примере уголовного судопроизводства подчеркивают, что независимость судей обеспечивается вовсе не ее специальным законодательным закреплением или возведением в ранг принципов процесса, не многократным повторением этих слов в разных нормативно-правовых предписаниях и тем более — не призывами к конкретным судьям быть независимыми. Независимость судей может быть обеспечена лишь созданием для ее реализации надежных организационно-процедурных механизмов, часть которых проанализирована в статье. В их числе — расширение состязательных начал в использовании специальных знаний в судебном следствии по уголовным делам, введение элементов судебного следствия в институт особого порядка постановления судебного решения при согласии обвиняемого с предъявленным обвинением, определение процессуального значения мотивов отказа государственного обвинителя от обвинения и другие.

Ключевые слова: независимость судей; обеспечение независимости судей; правосудие; судебное разбирательство; уголовное судопроизводство; судебная власть; суд

І. ВВЕДЕНИЕ

В системе уголовной юстиции и в уголовном судопроизводстве задействовано много разнопрофильных государственных органов — органы предварительного расследования, органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, прокуратура, органы системы исполнения наказаний и суд. Не умаляя значимости всех этих органов, можно с уверенностью утверждать, что ведущую и незаменимую роль во всей уголовно-процессуальной деятельности играет суд. Предварительное расследование даже в той части, в которую суд никак не вмешивается, осуществляется, по известному замечанию М.С. Строговича, — «до суда и для суда» (Strogovich, 1958:273), прокуратура представляет в суд государственное обвинение и поддерживает его перед судом, служба исполнения наказаний обеспечивает исполнение приговора суда, не имея права сомневаться в его истинности и справедливости. Суд — это по определению олицетворение справедливости и нравственности, это та сила, к которой обращаются в надежде на защиту от произвола и беззакония. Все уголовно-процессуальные институты, в которых так или иначе предусмотрено участие суда, — судебное разбирательство уголовного дела по существу, судебное санкционирование отдельных следственных действий и мер процессуального принуждения, судебный порядок обжалования действий, бездействия или решений органов уголовного преследования, проверочные судебные инстанции и т.д. — основаны на априорном признании суда той силой, представители которой подчиняются только закону и руководствуются при принятии решений исключительно внутренним убеждением, основанным на беспристрастной оценке всех юридически значимых обстоятельств дела и всех собранных по нему доказательств.

Иными словами, формируя любой из таких процессуальных институтов, законодатель исходит из безусловного признания независимости судей как от лиц, участвующих в уголовном деле, так и от всех иных лиц и государственных органов, так или иначе заинтересованных в исходе дела. Нет независимости судей — нет и правосудия. Нет независимости судей — и все перечисленные процессуальные институты теряют свое изначальное предназначение. Судебное разбирательство превращается в формальное подтверждение правильности обвинительных заключений с копированием их текстов в тексты приговоров. Судебный контроль оборачивается «штампованием» ходатайств следователей и дознавателей и «отписыванием» жалоб на их действия. Проверочные судебные инстанции становятся инструментом поддержания «стабильности приговоров», превращенным в самоцель существования судебной системы. Каждый практикующий юрист и каждый добросовестный исследователь знает, насколько легко все описанное воплощается в повседневной российской реальности. Именно поэтому проблема обеспечения независимости судебной власти, судебной системы, судов и судей является ключевой в отечественном правосудии.

Рассматривать эту межотраслевую проблему применительно к уголовному судопроизводству наиболее продуктивно по нескольким причинам. Во-первых, здесь в подавляющем большинстве дел присутствует государственный (не только в смысле «публичный», но и в смысле «ведомственный») интерес, носителем которого выступают органы уголовного преследования. Во-вторых, заведомое организационно-административное неравенство сторон обвинения и защиты порождает их неравенство в возможностях реализации даже имеющихся процессуальных прав. В-третьих, в уголовном судопроизводстве, как нигде, создаются наиболее благоприятные условия для подмены разных видов публичных интересов: общественного (то есть объективно совпадающего с интересами общества), государственного (то есть представленного в процессе конкретным государственным органом) и ведомственного (то есть обусловленного ведомственной отчетностью конкретного подразделения этого государственного органа). На такой подмене основаны многие стереотипы профессионального правосознания значительной части государственных служащих, в том числе и некоторых судей: подсудимые не отличаются от обвиняемых, а те и другие — от преступников; адвокаты не заслуживают доверия, поскольку они своей правовой позицией деньги зарабатывают, а прокуроры — служат государству и народу и потому говорят в суде только правду; по этой же причине государственные эксперты дают объективно более правильные заключения; если человек виновен в совершении преступления, то не так уж важно, насколько законными средствами доказывалась эта виновность, и т.д. Зависимость от этих стереотипов, строго говоря, в той же мере несовместима с независимостью судей, как и подчинение их «телефонному праву», административному или коррупционному влиянию.

II. НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ В СИСТЕМЕ РЕАЛИЗАЦИИ СУДЕБНОЙ ВЛАСТИ

Все исследователи, занимавшиеся проблемами судебной власти, отмечали ее особый статус в системе разделения властей. При равенстве с остальными ветвями государственной власти власть судебная все же призвана выступать арбитром, разрешающим социальные конфликты, в том числе и с участием двух других властей — законодательной, если она принимает закон, не соответствующий конституции страны, и административными органами любого уровня и профиля. Известный германский специалист по конституционному праву Конрад Хессе (Hesse, 1981:267) писал, что решения законодательной и исполнительной властей не являются в полной мере независимыми, «поскольку подчинены оговорке судебного решения».

Судебную власть реализует судебная система, которая играет в государственном аппарате столь же особую роль, обусловленную природой самой судебной власти.

«С одной стороны, ее исправное функционирование укрепляет государственную власть, а с другой — она призвана эту власть ограничивать, охранять права и свободы граждан от любых посягательств, в том числе и со стороны государственных органов... Существование у суда качеств органа государственной власти и арбитра, разрешающего конфликты, одной из сторон которых является та же самая государственная власть, делает явно недостаточным простое декларирование его независимости даже на уровне конституционного принципа» (Mikhailovskaya, 2008:7).

Очевидна необходимость обеспечения со стороны государства не только формального обособления судебной ветви власти, но и внедрения комплекса механизмов и гарантий, способных сделать эту власть сильной и независимой. В то же время, какой бы независимой ни была судебная власть, она всегда была и будет элементом всего государственно-правового механизма. Последнее обстоятельство дает основания считать, что суды, в принципе, не могут быть абсолютно независимыми, если они существуют в единой системе государственных органов, на что также справедливо обращалось внимание в специальной литературе (Chirkin, 1998:257).

Любой правитель, рассчитывающий на поддержку населения страны, заинтересован в том, чтобы суды хотя бы формально обладали независимостью и умели ее продемонстрировать в своих решениях. Суды с момента их возникновения в истории человечества были призваны осуществлять правосудие, то есть деятельность, воплощающую в себе некое усредненное общественное представление о справедливости. В развитых правовых системах демократических государств суды могут позволить себе принимать решения, противоречащие отдельным властным решениям глав государств и правительств. В тоталитарных государствах суды прямо участвуют в реализации политических решений правящей элиты. Но при этом ни один из правителей и ни в каком государстве не рискнет официально признать зависимость судей, судов и судебной системы от чьей бы то ни было личной политической воли. Напротив, любое политически ангажированное судебное решение гораздо удобнее использовать в политических целях, постоянно подчеркивая, что оно исходит от независимой судебной власти.

Правосудие как вид государственной деятельности и как официальное олицетворение справедливости всегда в истории человечества ставилось во главу угла всех социальных преобразований. Тот, кто обладает властью в разрешении правовых конфликтов, обладает властью как таковой. В числе основных положений Великой Хартии вольностей (1215 г., Англия) — лишение королевских чиновников, кроме собственно судей, права выполнять судейские функции — и это был действенный способ ограничения королевской власти Иоанна Без-

земельного (Danziger & Gillingham, 2005:268; Turner, 2009:149; Lewis, 1990:236; McGlynn, 2013:137). В преамбуле к Конституции США (1787 г.) народ Соединенных Штатов («*We the people of the United States...*»)¹, принимающий ее, называет цель «установить правосудие» на втором месте после главной цели создания государства — «образовать более совершенный Союз» (Forkosch, 1968:644–712; Schmitt, 2008:77–79; Orgad, 2010:719). Общество нуждается в независимых судах и судьях, потому что оно нуждается в правосудии. С этой глобальной точки зрения независимость судей представляется бесспорной социальной ценностью.

Однако парадокс состоит в том, что в независимости судей заинтересовано только общество в целом. Участники самих судебных процессов, то есть носители правовых интересов в разрешаемых судами социальных конфликтах, прежде всего, нуждаются в том, чтобы восторжествовал их собственный интерес в конкретном деле. С субъективной точки зрения каждого из участников судебных процессов настоящее правосудие как раз и состоит в том, чтобы защищать их собственный интерес.

И общество в целом, и каждый участник судебных процессов в равной степени заинтересованы также в том, чтобы быть огражденными от своеволия самих судей и злоупотреблений с их стороны. Между тем судейский произвол — это не что иное, как оборотная сторона судейской независимости.

Известный русский юрист Я.И. Баршев еще до великих реформ Александра II писал:

«Чтобы коренное начало правды, лежащее в основании уголовного судопроизводства, осуществилось во всей его силе и действительности, для этого необходимо: 1) Чтобы было устранено и запрещено всякое *самоуправство* со стороны частных лиц, и отправление уголовного правосудия было вверено постоянным, самостоятельным, имеющим все нужные для того качества, *судам*. 2) От уголовного судопроизводства должно быть устранено всякое влияние на него и действие на него *частного* произвола. 3) Оно не должно быть предоставлено одному только *судебному произволу*: напротив, он должен быть по возможности ограничен и устранен посредством предписания судам известных форм и образа действия. 4) *Главная форма* уголовного судопроизводства должна быть такова, чтобы она с одной стороны служила к открытию истины, а с другой делала возможным строгий контроль над уголовно-судебным делопроизводством. 5) Вообще нужно, чтобы со всех сторон был обеспечен правильный суд о вине или невинности подсудимого» (Barshev, 2001:42–43).

Столь подробную цитату из известной книги 1841 года издания ординарного профессора Императорского Санкт-Петербургского университета, доктора прав Я.И. Баршева мы здесь приводим для того, чтобы проиллюстрировать сле-

---

¹ Конституция Соединенных Штатов Америки. Режим доступа: https://www.americanbar.org/groups/public_education/initiatives_awards/constitution_day/constitution_text.html. Дата обращения: 18.11.2017.

дующее. Во-первых, проблема поиска баланса между судебской независимостью как бесспорным социальным благом и судебским произволом как столь же бесспорным социальным злом была актуальной всегда. Во-вторых, в специальной учебно-научной литературе тех лет вечная интеллигентская мечта о независимом и ответственном правосудии, стремящемся к «открытию истины» по каждому уголовному делу, сочетается в реальной дореформенной России с массовой коррумпированностью судебных чиновников всех уровней, волокитой и бюрократизмом судебного делопроизводства, что нередко называлось в числе главных причин судебной реформы. Наконец, в-третьих, Я.И. Баршев видит единственную защиту от возможного судебного произвола в установлении оптимальной процессуальной формы судопроизводства, которую сам он, впрочем, не берется сконструировать, а лишь ограничивается своими, самыми общими пожеланиями о судебном процессе, построенном на «коренном начале правды».

Все сказанное не потеряло своей актуальности и по сей день. Объективно необходимая независимость судебной власти в демократически организованном обществе, признающем принцип разделения властей, — это не то же самое, что независимость конкретных судей при отправлении правосудия по конкретным делам. Признание государством самостоятельности и независимости судебной власти способно обеспечить законодательные и организационно-финансовые основы независимости судебной системы, выстроенной по лучшим мировым образцам. Однако, как верно отмечала И.Б. Михайловская (Mikhailovskaya, 2008:18), «независимость — это внутреннее, психологическое состояние, отражающее систему ценностей, разделяемых данным лицом, и находящееся вне сферы правового регулирования». То есть сама по себе независимость судебной власти и соответствующая ей организация судебной системы отнюдь не гарантирует независимости судей. Более того, проблему независимости судей нельзя решить раз и навсегда: в сфере судебной деятельности всегда находят свою реализацию наиболее существенные интересы отдельных представителей общества и социальных групп. И среди носителей этих интересов всегда найдутся такие, кто захочет склонить весы Фемиды на свою сторону, используя для этого самые разные рычаги давления. И в этих условиях только разумный и понятный всем участникам процедурный механизм судопроизводства способен обеспечить не только независимость конкретного судьи, но и наглядную демонстрацию этой независимости любому желающему.

Под словом «правосудие» понимаются хотя и связанные между собой, но не в полной мере совпадающие социально-правовые явления: 1) **правосудие** — это **социально-правовой феномен**, характеризующий такое состояние общества, при котором с помощью всех государственных органов, и в первую очередь — судов, обеспечивается верховенство права, охрана и защита прав и свобод человека и гражданина, справедливое разрешение любых социальных конфликтов в сфере права в случаях их возникновения; 2) **правосудие** — это особый правозащитный **организационно-процедурный механизм**, который должен

быть доступен любому человеку, считающему нарушенными свои гражданские права и свободы, и достаточно эффективен для обеспечения защиты этих прав и свобод. Образован этот механизм, во-первых, системой особых государственных органов — судов, к исключительной компетенции которых Конституцией и федеральным законом отнесено рассмотрение и разрешение разного рода судебных дел, а во-вторых — комплексом процедурных правил, обеспечивающих его доступность, эффективность и подконтрольность гражданскому обществу; 3) **правосудие** — это **вид государственной деятельности**, службы, связанной с судебным разбирательством уголовных, гражданских и арбитражных дел, дел об административных правонарушениях, разрешение Конституционным Судом РФ вопросов о соответствии Конституции России отдельных законов или иных нормативно-правовых предписаний.

На каждом из этих уровней понимания правосудия существует собственный образ независимости судей, заслуживающий отдельного рассмотрения. Когда речь идет о правосудии как о социально-правовом феномене, независимость судей рассматривается как бесспорное социальное благо, как неперемненное условие справедливого разрешения правовых конфликтов между людьми и их объединениями.

Если говорить о правосудии как об организационно-процедурном механизме, то обеспечение независимости судей как составного элемента такого механизма состоит в установлении организационно-правовых гарантий, которые позволяют судебной системе быть самостоятельной во внутренних делах, реализовывать свою деятельность без вмешательств законодательной и исполнительной ветвей власти, а судьям вершить правосудие без давления извне.

Если рассматривать правосудие как реальную государственную деятельность по разрешению правовых конфликтов (например, уголовных дел), независимость судей выступает как совокупность процедурных правил, дающих каждому судье возможность при разрешении дела руководствоваться только законом и собственным внутренним убеждением. В этом понимании правосудия гарантии судейской независимости должны иметь сугубо процедурное содержание.

Когда государство декларирует независимость судебной власти и закрепляет это в Основном законе страны и во всех других нормативных правовых актах разной юридической силы, оно не может исключить со стопроцентной уверенностью, что какие-то конкретные судьи осуществляют свою деятельность не в полном соответствии с этими декларациями. И каждому конкретному гражданину, чье дело рассматривается в суде, важно вовсе не то, провозглашена ли независимость судей принципом чего бы то ни было, ему важно, какие властные решения примет конкретный судья по его делу. Коррупционное воздействие на судей тоже вовсе не предполагает воздействия на всю судебную систему в стране, здесь вполне достаточно «заинтересовать» ограниченный круг конкретных судей, рассматривающих конкретные дела.

На глобальном государственно-правовом уровне независимость судебной власти означает столь же глобальные меры ее обеспечения. На этом уровне ведутся дискуссии о месте судебной системы в бюджетном процессе страны, об организации взаимодействия верховных органов судебной власти и властей законодательной и исполнительной, о месте решений самих высших судебной органов в системе правовой регламентации всей судебной деятельности и т.д. (Chernyavskii, 2004:4; Mizulina, 1991:171). На этом уровне представители судебного сообщества утверждают даже, что «правосудию нужна собственная профессура», предлагая обособить научные исследования и образование в системе правосудия от юридических науки и образования в стране. Все это, конечно, касается отправления правосудия по конкретным делам, но весьма косвенно.

Организационно-правовое обеспечение функционирования судебной системы само по себе не гарантирует даже наличия в стране независимой судебной власти. Нельзя не согласиться с И.Б. Михайловской, верно отмечавшей, что судебные органы

«существовали и существуют в любой из форм организации государственной власти... Поэтому само по себе наличие судов, а также тех или иных правил разрешения возникающих в обществе конфликтов еще не свидетельствует о наличии феномена судебной власти... Судебная власть не может существовать без судебной системы. Однако наличие системы судебных органов еще не говорит, что в данном государстве есть судебная власть» (Mikhailovskaya, 2008:7).

Формирование судебной системы, равно как и издание законов разного уровня и юридической силы — это необходимые, но недостаточные способы обеспечения независимости судебной власти и судей. Ни для кого не секрет, что законодательные положения о независимости судей могут оставаться лозунгами, благими пожеланиями, призывами к одним и словесными клятвами перед другими с большей степенью вероятности, чем любые другие, ибо эти законоположения сами по себе, как правило, никого ни к чему не обязывают.

III. НЕЗАВИСИМОСТЬ СУДЕЙ КАК ГАРАНТИЯ УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ

Общее правило о независимости судей и подчинении их только закону содержится в российской Конституции. Согласно общему принципу разделения властей, закрепленному в ст. 10, «органы законодательной, исполнительной и судебной власти самостоятельны». При этом в соответствии с ч. 1 ст. 120 Конституции России «Судьи независимы и подчиняются только Конституции Российской Федерации и федеральному закону». Как видим, в Конституции тоже проведено смысловое разграничение понятий «самостоятельность судебной власти» и «независимость судей». В отраслевом процессуальном законодательстве правила о самостоятельности судебной власти, по понятным причинам,

нет, а вот правило о независимости судей продублировано во всех отраслевых процессуальных законах (ст. 5 Арбитражного процессуального кодекса, ст. 8 Гражданского процессуального кодекса, ст. 8.1 Уголовно-процессуального кодекса, ст. 7 Кодекса административного судопроизводства).

Формулировки отраслевых процессуальных кодексов, в целом, не отражают никакой отраслевой специфики, что, на наш взгляд, ставит под сомнение необходимость специального закрепления их как принципа, соответственно, административного, гражданского, арбитражного или уголовного процесса. На момент включения в УПК РФ принципа независимости судей (июль 2013 г.) его текстуальное выражение оказалось гораздо объемнее и подробнее, чем в других процессуальных кодексах, что, впрочем, также не приблизило его к отражению хоть какой-то уголовно-процессуальной специфики. Приведем его полностью:

«Статья 8.1 Независимость судей. 1. При осуществлении правосудия по уголовным делам судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. 2. Судьи рассматривают и разрешают уголовные дела в условиях, исключающих постороннее воздействие на них. Вмешательство государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан в деятельность судей по осуществлению правосудия запрещается и влечет за собой установленную законом ответственность. 3. Информация о внепроцессуальных обращениях государственных органов, органов местного самоуправления, иных органов, организаций, должностных лиц или граждан, поступивших судьям по уголовным делам, находящимся в их производстве, либо председателю суда, его заместителю, председателю судебного состава или председателю судебной коллегии по уголовным делам, находящимся в производстве суда, подлежит преданию гласности и доведению до сведения участников судебного разбирательства путем размещения данной информации на официальном сайте суда в информационно-телекоммуникационной сети “Интернет” и не является основанием для проведения процессуальных действий или принятия процессуальных решений по уголовным делам».

Нетрудно заметить, что если словосочетание «уголовные дела» заменить на любое другое, обозначающие любые другие судебные дела, содержание статьи от этого никак не изменится. Нельзя не обратить внимания и на тот момент, что в статье, помещенной в главу 2 УПК «Принципы уголовного судопроизводства», содержится набор сугубо канцелярских правил, которые, по большому счету, не имеют отношения к собственно производству по уголовным делам — внепроцессуальные обращения и не должны порождать процессуальных последствий, а вопрос о том, как с ними поступать, к собственно уголовному процессу тоже не относится.

Судебная реформа второй половины XIX в. в условиях абсолютной монархии установила новый, неизвестный России до этого образ независимого и справедливого суда. Необходимость обеспечения независимости судей являлась

ключевой задачей судебных преобразований тех лет. Так, М.В. Немытина, оценивая успешность решения данной задачи, пишет, что «ни одно должностное лицо, включая царя, не могло вмешиваться в решение судом уголовных и гражданских дел» (Nemytina, 1999: 48).

Важно подчеркнуть, что в Уставе уголовного судопроизводства 1864 г. отсутствовала какая-либо специальная норма, в которой провозглашалась независимость судей и вообще использовалось это или какое-то подобное ему словосочетание. И это при том, что на судью при производстве по уголовным делам возлагалась ответственность за принятие властного решения в некоторых случаях с гораздо большей, чем ныне, свободой усмотрения. Так, например, в ст. 12 Устава допускалось применение материального уголовного закона по аналогии («на общем смысле законов», «коими судимое деяние воспрещается»), которое сейчас, как известно, не допускается. В ст. 13 Устава судье «воспрещалось останавливать решение дела под предлогом неполноты, неясности или противоречия» этих законов под страхом уголовной ответственности «за противозаконное бездействие власти». В ст. 239 Устава содержалось правило о разрешении судом сомнений о подведомственности дела «правительственным или судебным установлениям», что также требовало исключительной ответственности судьи за принимаемое решение и за его независимость от исполнительной власти.

Не используется словосочетание «независимость судей» и в Учреждении судебных установлений, которое определяют статус судей, порядок замещения ими должностей, получение денежного, квартирного содержания, что сегодня принято называть гарантиями независимости судей. При этом в ст. 225 Учреждения сказано, что каждый, назначенный впервые на должность судьи, приводится к присяге «духовным лицом своего вероисповедания», а в специальном Приложении II приводился текст такой присяги, сориентированный на христианское вероисповедание. В этом тексте наряду с клятвой хранить верность Его Императорскому Величеству (указом которого, к слову, судьи назначались на свои должности) содержалось обещание «творить суд по чистой совести безо всякого в чью-либо пользу лицепрятия и поступать во всем соответственно званию, мною принимаемому». Судья, поступающий на должность, обещал помнить, что он во всем должен будет дать ответ «пред законом и пред богом на страшном суде его».

Сказанное позволяет считать, что независимость судей воспринималась авторами Уставов как свойство, имманентное самому высокому званию судьи, не нуждающееся ни в каких дополнительных процедурных, а тем более — в каких-то особых канцелярских «подпорках»: либо ты судья и ты независим, либо ты просто не судья. Присягая на верность Императору, судья, тем не менее, обращается к высшей силе — к Богу, перед которым он и даст ответ в первую очередь. Кривить душой в присутствии священнослужителя, как, впрочем, и забывать о данном перед Богом обещании было не принято.

Такое отношение к вере было неотъемлемой частью менталитета представителей всех российских конфессий. Однако главное в другом: не употребляя словосочетания «независимость судей», не давая ему легального определения, не пытаясь очертить какие-то формализованные рамки судебской независимости, законодатель закрепляет организационно-процедурные механизмы ее реализации в каждом уголовном деле. Так, в ст. 249 Учреждения судебных установлений определены ступени и общие правила «судебного надзора» вышестоящих судов над деятельностью нижестоящих, в соответствии с которыми только сами суды и только в пределах их строго очерченных полномочий вправе пересматривать судебные решения нижестоящих судов. Для судебной реформы XIX в. это законоположение определяло автономность судебной власти в отправлении правосудия, что в условиях абсолютизма казалось почти невозможным, но постепенно во исполнение именно монаршей воли воплощалось в действительность. Независимая судебная власть строилась не призывами к проявлениям независимости, а созданием организационно-процедурных условий для нее.

Ответственность судьи перед Богом «на страшном суде его» и соответствующий текст судебской присяги выглядят несовременными и не согласуются с концепцией светского государства. Время само собой стерло религиозный пафос с обряда посвящения в судьи. Текст современной присяги судьи предельно прост и лаконичен, а произносится он под Государственным флагом России и в присутствии собственных коллег-судей. Но обращение к описанным историческим аналогиям сегодня необходимо для того, чтобы подчеркнуть, что судья — не чиновник, что над ним нет начальников, ни вне, ни внутри судебной системы. Действия и решения судьи не могут определяться ни политической, ни ведомственной конъюнктурой, а должны приниматься только на основании закона, в соответствии с совестью самого судьи и общепринятыми универсальными представлениями о добре и зле.

В юридической науке о независимости судей как о гарантии правосудия много говорили и писали всегда. Особенно интерес к этой проблематике обострялся в периоды реформ разного рода и масштаба. В начале 90-х гг. прошлого столетия, в эпоху начала постсоветской судебной реформы, Т.Г. Морщакова писала: «Нельзя не заметить, что в ходе широких дискуссий о судебно-правовой реформе обнаружился определенный крен от научной проработки вопросов в сторону публицистических выступлений, а иногда и чисто публицистических методов «завоевания большинства» (Morshchakova, 1990:7). Со сказанным трудно не согласиться и сегодня.

Подчеркнем, что для научных публикаций по проблемам именно уголовного правосудия публицистический, если не сказать популистский, акцент почему-то наиболее характерен. Так, например, З.Д. Еникеев и Р.К. Шамсутдинов, рассуждая о важности профессионализма и нравственности судей для эффективного осуществления правосудия, приводят обширный перечень челове-

ских качеств, обладание которыми свидетельствует о «профессионализме» и «нравственности» (Enikeev & Shamsutdinov, 2006:202–203). В этом перечне нашлось место для очень многих личностных характеристик: «целеустремленность», «энергичность», «решительность», «проницательность», «психическая выносливость», «умение преодолевать стрессовые ситуации», «моральная чистота», «милосердие», «сострадание», «терпение» и т.д. (Enikeev & Shamsutdinov, 2006:207).

Чтобы перечислить все свойства, которыми должен обладать судья для того, чтобы эффективно вершить правосудие, не хватит, возможно, и целой книги. Однако это перечисление не способно приблизить исследователя к решению глубоко процессуальной проблемы: как, с помощью каких процедурных правил можно исключить внешнее воздействие на внутреннее убеждение судьи при разрешении конкретного уголовного дела?

Независимость судьи — это, безусловно, его личностный выбор, который невозможно обеспечить одними лишь нормативно-правовыми предписаниями. Судья не существует вне судейского сообщества, вне корпоративных обязательств внутри судебной системы и вне процедур, в которых осуществляется вся уголовно-процессуальная деятельность. Внешне безобидно выглядит привычка многих современных российских судей советоваться с судьями вышестоящих судов перед вынесением решения, спрашивать у судей контрольных инстанций, «устойт» ли конкретное решение в случае его пересмотра и каким оно должно быть, чтобы «устояло». Такого рода «консультации» давно стали деловым обыкновением во многих российских судах, и о каких-либо посягательствах на судейскую независимость в таких случаях не принято даже задумываться.

Зависимость от мнения начальников или коллег — это, главным образом, личностная особенность конкретного судьи, результат его собственного выбора. В большинстве других случаев — это тоже личный выбор судьи, однако здесь обратим внимание на то, что некоторые процедурные правила производства по уголовным делам и сложившаяся практика их применения нередко сами по себе выступают дополнительными факторами, посягающим на свободу судейского усмотрения. Каждый оправдательный приговор является поводом для проведения совещаний внутри самого судейского сообщества, тогда как обвинительные приговоры им же рассматриваются как норма. По сложившейся практике доказательства вопреки требованиям закона имеют заранее установленную силу — например, признание обвиняемым своей вины по-прежнему способно перевесить любое другое доказательство, а заключение эксперта при практически полном отсутствии состязательности в процедурах назначения и производства экспертиз вообще приобретает силу некоего абсолютизированного доказательства.

IV. ОСОБЕННОСТИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ СУДЕЙ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Судейская независимость в конкретных процедурах производства по уголовным делам подвергается испытанию на прочность гораздо чаще, чем может показаться. Так, например, исследуя в судебном заседании заключение судебно-медицинского эксперта о причине смерти и видя в нем внутренние противоречия или несоответствие другим доказательствам, судья выбирает между согласием с этим, уже имеющимся в деле документом, и многими трудоемкими процедурами, позволяющими его проверить. В первом случае от судьи требуется лишь огласить в судебном заседании текст этого заключения (ч. 1 ст. 285 УПК РФ) (нередко на практике — только в части выводов) и обеспечить соответствующую запись в протоколе и в приговоре. В случае несогласия требуется вызвать в суд эксперта (ст. 282 УПК РФ), допросить его с участием сторон, возможно, объявить перерыв для подготовки ответов (ч. 3 ст. 282 УПК РФ) возможно, дать повод для заявления новых ходатайств обеим сторонам, возможно, назначить дополнительную или повторную экспертизу (ч. 4 ст. 283 УПК РФ), возможно, произвести эксгумацию трупа и т.д. Далеко не всякий судья способен сделать выбор в пользу кропотливого собирания новых доказательств в таком случае, обрекая себя еще и на дополнительные временные затраты. И такой же выбор возникает перед каждым судьей по поводу каждого или почти каждого доказательства, собранного в досудебном производстве. И это при том, что до суда доказательства собирались при несомненном властном преимуществе стороны обвинения. Психологическая природа обвинительного уклона в таких условиях предельно проста: обвинительные выводы суда требуют гораздо меньше усилий и времени. Независимость судей, как и независимость вообще, требует труда, смелости и профессионализма. Однако при действительно равном доступе обеих состязующихся сторон к доказыванию в досудебном производстве, например, при наличии у стороны защиты возможности представить в суд альтернативное мнение носителя специальных знаний для обеспечения его конкуренции на равных с заключением эксперта, представленным стороной обвинения, суду будет достаточно сделать выбор между более и менее обоснованным мнением. По результатам оценки того и другого суд сам решит, как ему поступить дальше — поверить кому-то из тех сведущих лиц, кто уже высказал свое мнение, или обратиться к третьему специалисту. Законодательное предпочтение в этом случае суд должен будет мотивировать в своем решении.

Процессуальная независимость судей и подчинение их только закону предполагают способность судьи следовать своему внутреннему убеждению при оценке доказательств и при принятии любых процессуальных решений (Ролыанский, 1956:91; Строгович, 1968:126; Побережний, 1993:15; Бож'ев, 2011:82). Сказанное касается любых судебных процедур, в том числе, например, особого порядка постановления приговора (глава 40 УПК РФ). Известно, что внутрен-

нее убеждение судьи формируется в процессе исследования обстоятельств дела (Strogovich, 1955:115), которое и обеспечивает состояние уверенности в правильности своих выводов (Zhogin, 1973:474). Нельзя не видеть противоречия в том, что при рассмотрении дел в особом порядке нет судебного следствия, то есть исследования доказательств в уголовно-процессуальном смысле. Однако внутреннее убеждение судьи должно быть сформировано и выражено и в приговоре, постановленном и по правилам главы 40 УПК РФ.

Порядок проведения судебного заседания и постановления приговора в отношении подсудимого, с которым заключено досудебное соглашение о сотрудничестве (глава 40.1 УПК РФ), также не предусматривает исследование судом доказательств по уголовному делу. В отличие от России, где институт досудебного соглашения появился сравнительно недавно, в уголовно-процессуальном законодательстве некоторых западных государств данная компромиссная процедура, условно именуемая «делкой с правосудием», существует более ста лет. Несмотря на это, некоторые исследователи продолжают видеть в практике реализации англо-американской модели досудебного соглашения опасность возникновения негативных для суда последствий, ввиду полной свободы стороны обвинения в определении условий сделки. Например, в уголовном процессе США прокурор не ограничен в выборе условий заключения досудебного соглашения и, не имея достаточных доказательств по уголовному делу, может сделать необоснованно льготные предложения обвиняемому, в то время как судьи при рассмотрении дела связаны с состоявшимися «договорными» условиями и не имеют полномочий по их изменению (Turner, 2012:103–105). Данное обстоятельство может подрывать справедливость составления соглашения, ввиду законной возможности прокурора идти на любые уступки в отношении обвиняемого, в условиях преследования единственной, ведомственной цели — отправления уголовного дела в суд. Попытки разрешения этой проблемы путем ограничения свободы усмотрения прокурора при заключении сделок в отдельных штатах (Covey, 2008:61–65; Carns & Kruse, 1991:27–69; Weninger, 1987:296; Wright & Miller, 2002:61–66) не были успешными (Turner, 2012:103–105).

Нельзя исключать возможность возникновения указанной ситуации в отечественной правоприменительной практике по причине аналогичной процессуальной свободы и бесконтрольности прокурора в определении условий досудебного соглашения.

В этом же контексте рассмотрим институт полного или частичного отказа государственного обвинителя от обвинения, который по закону является обязательным для суда и влечет прекращение уголовного дела или уголовного преследования соответственно полностью или в части (ч. 7 ст. 246 УПК РФ). Внутреннее убеждение самого суда в данном случае не имеет процессуального значения, ибо суд обязан принять мнение стороны обвинения, независимо от тех выводов, к которым пришел сам. Требование закона об изложении государственным обвинителем мотивов отказа от обвинения также не имеет значения для

определения позиции суда: какими бы ни были эти мотивы, как бы сам суд ни оценивал их убедительность, он обязан прекратить уголовное преследование в соответствующей части.

Некоторые сложности с формированием и реализацией внутреннего убеждения судьи возникают в случаях формулирования судьей, входящим в коллегиальный состав суда, особого мнения по содержанию приговора или иного судебного решения (ч. 5 ст. 301 УПК РФ). В действующем уголовно-процессуальном законе такая ситуация предусмотрена в самой общей форме, а разрешение ее не урегулировано вовсе никак, хотя сам факт наличия в судебской коллегии особого мнения одного из судей — это, как минимум, констатация разумных сомнений в правильности принятого судом решения, а все сомнения, которые не удалось устранить, должны толковаться в пользу подсудимого (ч. 3 ст. 14 УПК РФ). На практике особые мнения судей встречаются не так часто, и единого подхода к разрешению возникшего противоречия до настоящего времени не найдено. И здесь судья, обладающий собственной независимой позицией по делу, тоже оказывается перед выбором: пойти ли на конфликт с коллегами или с самим собой, при том, что собственное особое мнение также не имеет никакого процессуального значения, поскольку процессуальных последствий само по себе не порождает. Психологически проще молча подписать то, с чем не согласен.

Вопрос о независимости судей в реальной практике нередко увязывается со многими проблемами доказывания в состязательном уголовном процессе. Пассивность или недостаточный профессионализм сторон в доказывании юридически значимых обстоятельств дела ставит судью перед непростым выбором: либо признать доказанным или недоказанным что-то вопреки собственному убеждению, либо активно включиться в выяснение фактических обстоятельств по собственной инициативе. Собираение доказательств судом оценивается многими российскими специалистами как выполнение несвойственной ему функции (Lazareva, 2007:98–102; Mikhailovskaya, 2006:56–57; Petrukhin, 2001:72–81; Lupinskaya, 2004:252). При этом известно, что в уголовном процессе США, который по праву определяют как образец чистого состязательного судопроизводства, суд в части доказывания имеет достаточные полномочия, в том числе — и право по собственной инициативе вызвать свидетеля (Astafiev, 2013:333–334). Такого права у нашего судьи нет, хотя за законность и обоснованность постановленного им решения отвечает именно судья.

В противоречие со свободой внутреннего убеждения судьи, а значит — и с его независимостью, вступает правило ст. 90 УПК РФ о преюдиции: судья обязан признавать без дополнительной проверки обстоятельства, установленные ранее вступившим в законную силу приговором по другому уголовному делу и судебными решениями в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Древний принцип *res iudicata*, обязывающий уважать и признавать состоявшееся судебное решение, апробирован временем и

является основой правосудия в любом государстве (Dikarev, 2016:103–104). Но нельзя не заметить и его противоречия с принципом свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, что тоже отмечено в литературе (Nurbaev, 2014:23). Между тем правосудие в равной мере основано на обоих этих принципах.

V. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог, следует сформулировать некоторые выводы.

1. Независимость судей является бесспорной социальной ценностью лишь для общества в целом. На уровне конкретных носителей правовых интересов в разрешаемых судами конфликтах независимость судей важна значительно менее, чем удовлетворение собственных интересов. Именно поэтому проблема независимости судей всегда будет в центре внимания юридического сообщества и всегда будет порождать полемику в юридической науке.

2. Независимость судей как объективно необходимое условие существования правосудия в любой стране имеет свою негативную противоположность — судейский произвол, который представляет для правосудия не меньшую угрозу, чем зависимость судей от кого бы то ни было. Процессуальная форма отправления правосудия должна одновременно обеспечивать и независимость судей, и гарантии от судейского произвола для всех заинтересованных лиц.

3. Апелляция к личностным качествам конкретных судей в обеспечении независимости судей и подлинного правосудия — необходимый, но, в целом, экстенсивный способ решения проблемы судейской независимости. Обеспечивать независимость судей должны, в первую очередь, организационно-правовые условия их деятельности и процедуры судопроизводства.

4. К числу организационно-процедурных механизмов обеспечения независимости судей относится, например: определение в законе процедуры оценки и реализации «особого мнения» судьи в коллегиальном составе суда, определение процессуальных последствий изложения государственным обвинителем мотивов отказа от обвинения; расширение состязательных начал в процедурах назначения и производства экспертиз по уголовным делам как в судебном, так и в досудебном производстве. Этот перечень обширен и разнообразен. Формирование его требует специального отраслевого и сравнительно-правового исследования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК / REFERENCES

- Astafiev, A. Yu. (2013) Protsessual'naya nezavisimost' sud'i kak sub»ekta dokazyvaniya: predely diskretnnykh polnomochii [Procedural Independence of a Judge as a Subject of Proving: The Limits of Discretionary Powers]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Law]. (1), 327–339. (in Russian)

- Астафьев А.Ю.* Процессуальная независимость судьи как субъекта доказывания: пределы дискреционных полномочий // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2013. № 1(14). С. 327–339.
- Barshev, Ya. I. (2001) *Osnovaniya ugovnogo sudoproizvodstva s primeneniem k rossiiskomu ugovnomu sudoproizvodstvu* [Grounds for Criminal Procedure with Application to Russian Criminal Process]. Moscow, LeksEst. (in Russian)
- Баршев Я.И.* Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. М. : «ЛексЭст», 2001.
- Bozh'ev, V. P. (ed.) (2011) *Ugolovnyi protsess* [The Criminal Procedure]. Moscow, Yurait. (in Russian)
- Уголовный процесс / под ред. В. П. Божьева. М. : Юрайт, 2011.
- Carns, T. W. & Kruse J. (1991) A Re-Evaluation of Alaska's Plea Bargaining Ban. *Alaska Law Review*. 8 (1), 27–69.
- Chernyavskii, V. (2004) Sudebnaya vlast' dolzhna poluchit' pravo na samostoyatel'nost' v byudzhetnom protsesse [The Judicial Authority Should Receive the Right to Independence in the Budgetary Process]. *Rossijskaja justiciya* [Russian Justitia]. (4), 2–4. (in Russian)
- Чернявский В.* Судебная власть должна получить право на самостоятельность в бюджетном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 2–4.
- Chirkin, V. E. (1998) *Konstitucionnoe pravo: Rossiya i zarubezhnyi opyt* [The Constitutional Law: Russia and Foreign Experience]. Moscow, Zertsalo. (in Russian)
- Чиркин В.Е.* Конституционное право: Россия и зарубежный опыт. М. : Зерцало, 1998.
- Covey, R. D. (2008) Fixed Justice: Reforming Plea Bargaining with Plea-Based Ceilings. *Tulane Law Review*. 82, 1238–1290.
- Danziger, D. & Gillingham, J. (2005). *1215: The Year of Magna Carta*. New York, Simon & Schuster.
- Dikarev, I. S. (2016) *Nadzorno-kassatsionnaya forma peresmotra sudebnykh reshenii v ugovnom protsesse* [Supervisory-Cassation Form of Judgments Review in Criminal Procedure]. Volgograd, VolGU publ. (in Russian)
- Дикарев И.С.* Надзорно-кассационная форма пересмотра судебных решений в уголовном процессе. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2016.
- Enikeev, Z. D. & Shamsutdinov, R. K. (2006) *Problemy ugovnogo pravosudiya v sovremennoi Rossii* [Problems of Criminal Justice in Modern Russia]. Ufa, RIO BashGU. (in Russian)
- Еникеев З.Д., Шамсутдинов Р.К.* Проблемы уголовного правосудия в современной России. Уфа : РИО БашГУ, 2006.
- Forkosch, M. D. Who Are the «People» in the Preamble to the Constitution? *Case Western Reserve Law Review*. 19 (3), 644–712.
- Hesse, K. (1981) *Osnovy konstitutsionnogo prava FRG* [Grundzüge des Verfassungsrechts der Bundesrepublik Deutschland]. Translated from German by Sidorov, E. A. Moscow, Yuridicheskaya literatura. (in Russian)
- Хессе К.* Основы конституционного права ФРГ / пер. с нем. Е.А. Сидорова. М. : Юридическая литература, 1981.
- Koni, A. F. (2011) *Kurs ugovnogogosudoproizvodstva* [The Course of Criminal Justice]. Moscow, Amerikanskaya assotsiatsiya yuristov.
- Кони А.Ф.* Курс уголовного судопроизводства. М. : Американская ассоциация юристов, 2011.
- Lazareva, V. A. (2007) Sostyazatel'nost' i dokazyvanie v ugovnom protsesse [The Adversary Character and Proof in Criminal Procedure]. *Ugolovnoe pravo*. (3), 98–102. (in Russian)
- Лазарева В.А.* Состязательность и доказывание в уголовном процессе // Уголовное право. 2007. № 3. С. 98–102.

- Lupinskaya, P. A. (ed.) (2004) *Ugolovno-protsessual'noe pravo Rossiiskoi Federatsii* [The Criminal Procedure Law of the Russian Federation]. Moscow, Yurist'. (in Russian)
Уголовно-процессуальное право Российской Федерации / под ред. П.А. Лупинской. М. : Юристъ, 2004.
- McGlynn, S. (2013) *Blood Cries Afar: The Forgotten Invasion of England, 1216*. Stroud, Gloucestershire, Spellmount.
- Mikhailovskaya, I. B. (2006) *Nastol'naya kniga sud'i po dokazyvaniyu v ugovnom protsesse* [The Judge's Resource Book for Proving in Criminal Procedure]. Moscow, TK Velbi, Prospekt. (in Russian)
Михайловская И.Б. Настольная книга судьи по доказыванию в уголовном процессе. М. : ТК Велби; Проспект, 2006.
- Mikhailovskaya, I. B. (2008) *Sudy i sud'i: nezavisimost' i upravlyaemost'* [Courts and Judges: the Independence and Controllability]. Moscow, Prospekt. (in Russian)
Михайловская И.Б. Суды и судьи: независимость и управляемость. М. : Проспект, 2008.
- Mizulina, E. B. (1991) *Ugolovnyi protsess: kontsepsiya samoogranicheniya gosudarstva* [The Criminal Procedure: the Concept of State Self-Restraint]. The Dissertation of Doctor of Legal Sciences. Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky. (in Russian)
Мизулина Е.Б. Уголовный процесс: концепция самоограничения государства: дисс. ... докт. юрид. наук. Ярославль. 1991.
- Morshchakova, T. G. (1990) *Sudebnaya reforma. Sbornik obzorov* [The Judicial Reform. Collection of Reviews]. Moscow, INION. (in Russian)
Морщакова Т.Г. Судебная реформа. Сборник обзоров. М. : ИНИОН, 1990.
- Nemytina, M. V. *Sud v Rossii: vtoraya polovina XIX — nachalo XX vv.* [The Court in Russia: the second half of the XIX — early XX centuries]. Saratov, SYuI MVD RF. 1999. (in Russian)
Немытина М.В. Суд в России: вторая половина XIX — начало XX вв. Саратов : СЮИ МВД РФ. 1999.
- Nurbaev, D. M. (2014) *Vnutrennee ubezhdenie pri otsenke v ugovnom protsesse preyuditsial'nogo znacheniya reshenii, prinyatykh v grazhdanskom, arbitrazhnom ili administrativnom sudoproizvodstve (po materialam proverki i ugovnym delam o prestupleniyakh v sfere ekonomiki)* [The Internal Conviction in Assessing the Prejudicial Value of Decisions Taken in Civil, Arbitration or Administrative Proceedings (On Materials of Verification and Criminal Cases in the Sphere of Economy)]. Author's Abstract of Dissertation of Candidate of Legal Sciences. National Research Tomsk State University. (in Russian)
Нурбаев Д.М. Внутреннее убеждение при оценке в уголовном процессе преюдициального значения решений, принятых в гражданском, арбитражном или административном судопроизводстве (по материалам проверки и уголовным делам о преступлениях в сфере экономики): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Томск, 2014.
- Orgad, L. (2010) The Preamble in Constitutional Interpretation. *International Journal of Constitutional Law*. 8 (4), 714–738. Available from: doi:10.1093/icon/mor010.
- Petrukhin, I. L. *Reforma ugovnogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy*. [Reform of Criminal Justice: Problems and Prospects]. *Zakonodatel'stvo*. (3), 72–81. (in Russian)
Петрухин И.Л. Реформа уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Законодательство. 2001. № 3. С. 72–81.
- Poberezhnyi, V. V. (1993) *Garantii nezavisimosti suda pri otpravlenii pravosudiya po ugovnym delam* [The Guarantee of the Independence of the Court in the Administration of Criminal Justice]. The Dissertation of Candidate of Legal Sciences. Lomonosov Moscow State University. (in Russian)

- Побережный В.В.* Гарантии независимости суда при отправлении правосудия по уголовным делам : дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 1993.
- Polyanskii, N. N. (1956) *Voprosy teorii sovetskogo ugolovnogo protsesssa* [Issues of the Theory of the Soviet Criminal Procedure]. Moscow, Moskovskii Universitet publ. Poberezh
- Полянский Н.Н.* Вопросы теории советского уголовного процесса. М. : Изд-во Московского университета, 1956.
- Schmitt, C. (2008) *Constitutional Theory*. London, Duke University Press.
- Strogovich, M. S. (1955) *Material'naya istina i sudebnye dokazatel'stva v sudebnom ugolovnom protsesse* [Substantive Truth and Judicial Evidence in the Judicial Criminal Procedure]. Moscow, Akademiya Nauk SSSR publ. (in Russian).
- Строгович М.С.* Материальная истина и судебные доказательства в судебном уголовном процессе. М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1955.
- Strogovich, M. S. (1958) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsesssa* [The Course of the Soviet Criminal Process]. Moscow. Akademiya Nauk SSSR publ. (in Russian)
- Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1958.
- Strogovich, M. S. (1968) *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsesssa* [The Course of the Soviet Criminal Process]. Vol. 1. Moscow, Akademiya Nauk SSSR publ. (in Russian)
- Строгович М.С.* Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М. : Изд-во Академии Наук СССР, 1968.
- Turner, J. I. (2012) Prosecutors and Bargaining in Weak Cases: A Comparative View. In: Luna, E. & Wade, M. (eds.) *The Prosecutor in Transnational Perspective*. Oxford, Oxford University Press, pp. 102–115.
- Turner, R. (2009) *King John: England's Evil King?* Stroud, Gloucestershire, The History Press.
- Warren, W. L. (1990) *King John*. London, Methuen.
- Weninger, R. A. (1987) The Abolition of Plea Bargaining: A Case Study of El Paso County, Texas. *UCLA Law Review*. 35, 264–313.
- Wright, R. & Miller, M. (2002) The Screening/Bargaining Tradeoff. *Stanford Law Review*. 55 (1), 29–118.
- Zhogin, N. V. (ed.) (1973) *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Theory of Evidence in the Soviet Criminal Procedure]. Moscow, Yuridicheskaya literatura. (in Russian)
- Теория доказательств в советском уголовном процессе/ под ред. Н.В. Жогина. М. : Юридическая литература, 1973.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Тарасов Александр Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Институт права, Башкирский государственный университет.

ORCID ID: 0000-0001-6743-5517

Контактная информация:

e-mail: aatar@mail.ru

Гизатуллин Ирек Альфредович, аспирант кафедры уголовного права и процесса, Институт права, Башкирский государственный университет.

ORCID ID: 0000-0003-2108-690X

Контактная информация:

e-mail: gizatullin-irek@rambler.ru

Для цитирования:

Тарасов А.А., Гизатуллин И.А. Независимость судей — имманентное свойство уголовного правосудия и глобальная его проблема // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки*. 2018. Т. 22. № 1. С. 21–41, doi: 10.22363/2313-2337-2018-22-1-00-00

INDEPENDENCE OF JUDGES AS IMMANENT QUALITY OF CRIMINAL JUSTICE AND ITS SEVERE PROBLEM

Aleksandr A. Tarasov & Irek A. Gizatullin

Bashkir State University
Institute of Law
131, Dostoevskogo st., Ufa, Russia, 450005

Independence of judges is an objectively necessary condition for the existence of judicial power and justice in the state, it presupposes the freedom of every judge in choosing a legal position on the issue that he resolves, both from the will of the parties to litigation and from any external influence. External to the judge are not only the impact of the parties in the case under consideration or representatives of non-judiciary or court leadership, but also the corporate impact of the judiciary community or mental attachment to the corporate traditions of the professional communities to which the judge previously belonged. Exposure to all these types of outside influence for the judge constitute an equal threat to his independence and to the justice sent to him. No less threat to justice and objective interests of society is the flip side of judicial independence — judicial arbitrariness. The optimal state approach in ensuring the independence of judges implies a balance between the two extremes — judicial dependence on someone else's opinion and judicial arbitrariness. In modern Russian legislation, the «independence of judges» is defined as the principle of all types of legal proceedings, with the allocation of a special article with this title to all procedural codes. In the laws of the judicial reform of the XIX century, the phrase «independence of judges» is not used at all, although the creation of a truly independent court in conditions of absolute monarchy is recognized as the main achievement of this reform. The authors emphasize on the example of criminal justice that the independence of judges is not ensured at all by its special legislative fixation or elevation in the principles of the process, not by repeated repetition of these words in different legal regulations and even more — not by appeals to specific judges to be independent. Independence of judges can be ensured only by the creation of reliable organizational and procedural mechanisms for its implementation, some of which are analyzed in the article. Among them — the expansion of adversarial principles in the use of special knowledge in the criminal investigation of criminal cases, the introduction of elements of the judicial investigation into the institution of special order of the decision of the court decision with the consent of the accused with the charge, the procedural significance of the reasons for the refusal of the public prosecutor from the prosecution, and others.

Key words: independence of judges; ensuring the independence of judges; justice; judicial proceedings; criminal proceedings; judicial authority; court

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr A. Tarasov, Doctor of Legal Sciences, Professor, Head of Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University

ORCID ID: 0000-0001-6743-5517

Contact information:

e-mail: aatar@mail.ru

Irek A. Gizatullin, Post-graduate student, Department the Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University;

ORCID ID: 0000-0003-2108-690X

Contact information:

e-mail: gizatullin-irek@rambler.ru

For citation:

Tarasov, A. A. & Gizatullin, I. A. (2018) Nezavisimost' sudei — immanentnoe svoistvo ugovnogo pravosudiya i global'naya ego problema [Independence of Judges as Immanent Quality of Criminal Justice and Its Severe Problem]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Yuridicheskie nauki* [RUDN Journal of Law]. 22 (1), 21–41. Available from: doi:10.22363/2313-2337-2018-22-1-21-41.